

Module 3 Video Class 4: Interview with Gary Schwitzer (Russian)

[00:00:01] Здравствуйте. Добро пожаловать в видеочасть нашего курса «Журналистика в пандемии: Освещение COVID-19 сейчас и в будущем». Сейчас мы в третьем модуле говорим о вакцинах, лекарствах и о цикле хайпа вокруг них. И чтобы помочь нам разобраться в этом, я поговорю с Гэри Швайтцером, издателем портала Health News Review и приглашённым профессором Школы общественного здравоохранения университета штата Миннесота. Гэри, спасибо, что присоединились к нам.

[00:00:30] Для меня большая честь быть с вами.

[00:00:35] Я думаю, вы знаете, что сейчас у нас более 7 тысяч студентов, вероятно, более 7600, а, может, и больше к тому моменту, как это видео будет опубликовано, из более чем 150 стран. И большинство из них, вероятно, не знакомы с Health News Review. Не могли бы вы начать с рассказа о проекте и о том, почему вы его основали?

[00:00:57] Семь тысяч! Помню, когда я преподавал этику СМИ в университете Миннесоты, я был в восторге от того, что на мой курс записались 150 студентов. Перед такой аудиторией выступать немного волнительно. Но я очень рад, что могу рассказать о нашей 14-летней истории HealthNewsReview.Org.

[00:01:17] Я придумал этот проект потому, что был разочарован тем, что видел за свою карьеру в области медицинской журналистики — сейчас это 47 лет, а тогда было 33 года, когда я основал Health News Review. Наше внимание было сосредоточено на сообщениях средств массовой информации в широком смысле о медицинских вмешательствах, что крайне актуально для сегодняшней темы — о лечении, тестировании, продуктах и процедурах. Наша основная работа, которая с самого начала придавала нам легитимности в глазах экспертов и журналистов, заключалась в том, что мы не занимались субъективными, легковесными наблюдениями за качеством медицинской журналистики. Мы делали систематический обзор, для которого каждый раз, когда нам попадалось подходящее сообщение о медицинском вмешательстве, мы применяли к нему 10 стандартизированных критериев оценки качества — сначала к новостям, а затем и к пресс-релизам.

[00:02:16] И я знаю, что Мэрин даст вам ссылки или материалы для чтения, где вы сможете изучить эти 10 критериев более подробно. В конце 2018 года мы потеряли наше довольно щедрое финансирование, и мне больше нечем было платить команде, которая проводила эти систематические обзоры, но всего мы рассмотрели более 3 200 новостных историй и пресс-релизов.

[00:02:42] И вот лишь общая картина. Я никогда не считал эти 10 критериев одинаково значимыми, поэтому сейчас расскажу о пяти, которые считаю самыми важными. Наверное, нет ничего удивительного в том, что именно по этим критериям и новости, и пресс-релизы получали наихудшие оценки. Итак, помните, наш критерий отбора в том, что в новости или релизе должно быть некое заявление о каком-то медицинском вмешательстве.

[00:03:08] Ну, мы считаем, что где-то в этом заявлении нужно сказать о затратах и стоимости, потому что вне зависимости от того, кто платит — пациент, государство или кто-то ещё — у любого медицинского вмешательства есть стоимость.

[00:03:23] 2600 новостных историй — и только 31% из них, по мнению трёх независимых рецензентов, заслужили удовлетворительную оценку за то, как в них указывалась стоимость. Как дела у пресс-релизов? Семь. Семь процентов, менее одной десятой, получили удовлетворительную оценку.

[00:03:45] Однако, пожалуй, самой важной для меня была оценка того, насколько большой или, как это часто бывает, насколько малой была потенциальная польза. И опять же, из 2600 новостных материалов только 34% получили удовлетворительную оценку. Начиная с этого параметра, показатели пресс-релизов всегда будут сильно хуже, так что я даже не буду озвучивать их.

[00:04:12] Итак, мы посмотрели на затраты и выгоды. Насколько хорошо авторы журналистских материалов справились с задачей оценки масштабов потенциального вреда? Обычно здесь говорят о том, насколько он мал, но иногда важнее, насколько он велик. И здесь только 37% материалов получили удовлетворительную оценку. Сколько из этих материалов давали корректную оценку качества обоснований для того или иного заявления — или же в них первый этап испытания лекарств мало чем отличался от трёхлетнего рандомизированного клинического испытания на 30 тысяч человек? Только 38% всех этих материалов получили удовлетворительную оценку.

[00:04:50] И наконец, я понимаю, что в журналистике, в новостях, как и в пиаре, в пресс-релизах, мы фокусируемся на чём-то новом. Но мы должны поставить это нечто новое в контекст существующих альтернатив, у которых по определению более длинный и проверенный «послужной список». Меньше половины материалов, 46%, получили за это удовлетворительную оценку.

[00:05:16] В целом по первым четырём критериям более 60% материалов «провалились». Это означает, по сути, что недостаточное количество необходимой информации сообщается неинформированным, недостаточно информированным потребителям новостей и потребителям медицинских услуг, которые просто жаждут хотя бы глотка доказательной, точной, сбалансированной, полной информации, чтобы помочь им принимать решения. И наш отчет показывает, что очень часто мы не получаем даже от многих ведущих медиаорганизаций того, что нам нужно.

[00:05:59] В этом модуле курса мы говорим о создании лекарств и вакцин для COVID-19, против нового коронавируса. Как вы думаете, с чем столкнутся журналисты, пытаясь осветить эти темы? Можете ли вы применить ваши метрики для хороших и плохих материалов к ним?

[00:06:23] Конечно, ведь за этими числами скрывается очень много оттенков серого и нюансов. Так что я собираюсь привести пример из сегодняшних новостей. Это действительно очень хорошая история Хелен Брэнсвелл из STAT News, проекта компании-издателя газеты Boston Globe. У них была прекрасная история под заголовком «Нарастающий поток обещаний по вакцинам от COVID-19 подпитывает ложные ожидания». Так что прямо с самого начала мы знаем, о чём будет этот материал. И в нём говорится о том, что бешеный темп, с которым ученые работают над вакцинами, может быть беспрецедентным, но всё равно пройдет ещё много месяцев до того, как среднестатистический американец сможет воспользоваться

плодами этих усилий. В таких материалах важно, с кем вы решаете для них поговорить, и это один из наших критериев оценки материалов — были ли какие-либо независимые источники, изучались ли конфликты интересов у источников. STAT обратились к доктору Майклу Остерхольму из университета Миннесоты, как и многие ведущие медицинские журналисты, и в материале была такая его цитата: «Я думаю, мы не очень хорошо справляемся с задачей коммуникации с обществом, потому что мне постоянно приходится говорить людям: даже если мы получим вакцину с какими-то доказательствами эффективной защиты к сентябрю, до прививки каждому в плечо ещё невероятно далеко». Так что даже если вы проделаете хорошую работу с опубликованной информацией и оцените качество приведённых аргументов, то, насколько надёжны эти данные, то вы все равно должны поместить их в контекст, из которого будет ясно, когда всё это будет доступно людям.

[00:08:08] И это ещё один из наших критериев, который даже не попал в пятерку лучших, на мой взгляд, но мы применяли его каждый день — насколько доступна эта замечательная идея, о которой все говорят?

[00:08:21] За 14 лет работы HealthNewsReview.org мы показали, чётко и последовательно, что в журналистских материалах систематически преувеличиваются или подчёркиваются выгоды и одновременно сводится к минимуму или полностью игнорируется ущерб. Я всё прекрасно понимаю, мы все хотим писать о достигнутом прогрессе, мы хотим хороших новостей, наши редакторы не хотят слышать о неудачах — они хотят слышать об успехах. Научные журналы точно так же часто критикуют за то, что они прячут статьи с отрицательными результатами и выносят на первый план положительные результаты, чтобы их импакт-фактор, их популярность, выглядели лучше. Но в науке нельзя сообщать только о победах, но не о промахах, она не так работает.

[00:09:09] Мэрин, в мире, в котором мы с вами выросли, все говорили о 24-часовом цикле новостей. Теперь у нас, что, 24-секундный цикл новостей? Он не очень хорошо справляется с медленным темпом науки. Вот что происходит — и такие репортеры, как ты, Хелен Брэнсвелл и другие отличные авторы, это понимают: ты в постоянном стрессе, тебе недоплачивают, при этом ты перегружен. У тебя есть ежедневный план по количеству материалов, которые ты должен сдать, в эти трудные экономические времена в отрасли. Тебя оценивают по тому, сколько людей кликнуло на заголовок твоего материала онлайн, а не по тому, насколько точен или полон этот материал.

[00:09:52] Ты получаешь новости от чрезвычайно умных, вызывающих доверие учёных из фармацевтических или биотехнологических компаний, которые также крайне мотивированы своими акционерами и чьи премии и бонусы завязаны на то, чтобы их идеи были представлены в максимально позитивном свете. А ещё есть очень мотивированные политики, которые хотят переизбраться и не хотят опозориться, поэтому они комментируют научную информацию, которую не понимают, и заявляют о достижениях, которых на самом деле нет. В этой среде очень трудно установить истину, данные, факты, доказательства. Но нужно помнить, что у доказательств всегда есть вес, и журналистика должна отражать это. Журналист не должен слепо следовать старому принципу второй стороны, когда разные стороны вопроса искусственно уравниваются. Журналистам в нынешней ситуации, с этой темой, нужно понять, на чьей стороне вес доказательств — он редко распределён поровну — и сделать в материале акцент на стороне

доказательной базы. И если вам нужна помощь — если вы живёте в крупном мегаполисе, а в эти дни и онлайн, вы можете найти специалиста по биостатистике, эпидемиолога, специалиста по методологии. Серьёзно, забудьте об узких специалистах, ищите людей, которые помогут вам научиться оценивать данные и аргументы. На кону в данном случае всего лишь доверие к науке и к журналистике. Я думаю, его очень нужно сохранить.

[00:11:34] Гэри, я полностью согласна со всем, что вы сказали, конечно. И в то же время многие слушатели этого курса — это журналисты, которые никогда раньше не освещали здоровье, науку или доказательную медицину, и им нужна помощь. Я надеюсь, мы можем взять хотя бы пару примеров и показать на материалах медиа о COVID-19 в последние пару месяцев, где авторы сработали правильно, а где история была раздута. Итак, давайте начнем с разговора о гидроксихлороquine. Этот старый препарат от малярии первым начал продвигать врач во Франции, а затем его подхватил Белый дом, объявив лекарством от этой болезни. Что вы думаете о том, как журналисты писали об этой теме?

[00:12:28] Ага. 70 лет или около того использования в качестве препарата от малярии — но это не обязательно означает, что он найдёт какое-либо применение против этого вируса. В статье, опубликованной в журнале в конце марта по итогам французского исследования, было, по-моему, всего около 20 пациентов в экспериментальной группе, которую лечили этим препаратом. Двадцать пациентов после двухнедельного испытания — смотрите, здесь уже два «звоночка», небольшая выборка, краткосрочное наблюдение. В исследовании делался вывод о том, что препарат был — обратите внимание, это сам автор написал именно так — «связан с» уменьшением или исчезновением вирусной нагрузки.

[00:13:19] В таком исследовании, да и в любом исследовании, когда вы видите, что даже сами авторы пишут про «связан с», то это означает, что они не могут делать заявления причинно-следственной связи — ну, по крайней мере, лучше бы им их не делать. Если в журнале достойное рецензирование, то такую статью с необоснованным заявлением о причинно-следственной связи оттуда просто выпрут. Итак, в этом, по мнению многих, совсем не лишённом недостатков исследовании даже сами его авторы на всякий случай пишут про «связан с». И здесь эксперты вышли на первый план и указали на недостатки как в дизайне, так и в методологии, а затем даже научная организация, опубликовавшая исследование в своем журнале, заявила, что их правление считает, что статья не соответствует стандартам качества, принятым в этой организации. Можно ли представить себе более громкий «звоночек», чем этот?

[00:14:17] Но некоторые журналисты — и я знаю, что у нас широкая международная аудитория, вы, возможно, слышали о нашем американском телеканале под названием Fox News Network — начали кампанию в эфире длиной в месяц, в ходе которой по крайней мере восемь разных телеведущих активно продвигали это лекарство уже после того, как появились все эти поводы для скептицизма. Ну, эта сеть влюблена в нашего президента, Трампа, который сказал, что этот препарат может быть, цитирую, «одним из самых больших переломных моментов в истории медицины». Однажды он рассказал историю об умирающем человеке, который внезапно поправился после приема препарата. В другой раз он сказал: «Я надеюсь, что они — то есть обычные люди — используют этот препарат, потому что вот что я вам скажу — что вы теряете? В некоторых случаях вы в плохом состоянии, так что вы теряете?». Затем он смягчил свой голос, что на него не похоже, и сказал:

«Попробуйте. Вам понравится». Как будто он был продавцом подержанных автомобилей.

[00:15:23] В этом случае — закончим на хорошей ноте — наука в конце концов победила, потому что данные не подтверждали пользу от препарата, и учёные не дали это замять. А затем данные показали и вред от него. Но, если оглянуться назад, журналистам, которые просто, не критически написали о выводах того двухнедельного исследования на 20 человек во Франции, должно быть стыдно. И журналистам, которые без вопросов проглотили то, что им бросили политики, продвигающие это лекарство, тоже должно быть стыдно. Таким образом, это для нас классический кейс, на котором можно учиться. Надеюсь, мы его не потеряем.

[00:16:08] Давайте поговорим о другом кейсе. В последние пару недель возникло аналогичное количество хайпа вокруг другого возможного лекарства от COVID-19, препарата компании Gilead под названием ремдесивир. И это для меня не менее интересный случай. Здесь, в Соединенных Штатах, планировалось объявить о результатах испытаний, проводимых Национальными институтами здравоохранения (NIH). Но прямо перед их объявлением компания вышла и с помощью некоторых журналистов сообщила, что ожидает положительных результатов, не давая при этом никаких данных. Они сделали это как раз перед открытием биржи, и их акции довольно хорошо выросли в то утро после не слишком удачной недели. Затем доктор Энтони Фаучи вышел к журналистам и рассказал о результатах — и результаты были не совсем такими поразительными, как можно было бы подумать, учитывая ажиотаж. Можете поговорить об этом, о цикле хайпа?

[00:17:07] Да, вы его отлично описали. Я собираюсь начать с соображения о том, что доктор Фаучи стал соучастником всего этого. Потому что на самом деле слушая его рассказ о результатах с дивана в Белом доме рядом с президентом менее чем в трёх метрах от него, вы бы не поняли, что эти результаты были не такими уж и хорошими. Он назвал их «довольно хорошей новостью» и назвал лекарство «новым стандартом ухода».

[00:17:39] Позвольте мне сказать прямо: я с большим уважением отношусь к доктору Энтони Фаучи, я, как и вы, слежу за его работой уже 35 лет. Но так ли публика должна впервые слышать хоть какой-то анализ важных результатов? По большей части это была импровизация, у него была одна маленькая карточка с заметками, к которой он иногда обращался. На диване рядом с президентом, который ждёт от Фаучи того, что он хотел бы услышать, — и который это получает в виде результатов очень раннего исследования ремдесивира — это просто не та обстановка, в которой научные результаты должны доводиться до сведения общественности. Фаучи высоко оценил эти результаты, полученные в результате исследования, организованного его собственным федеральным агентством, и нигде не опубликованные — а затем почти на одном дыхании раскритиковал китайское исследование, которое не показало пользы ремдесивира и при этом было опубликовано в *The Lancet*, а это вам не бульварная газетёнка, это довольно престижный журнал.

[00:18:53] Для меня такое поведение научного сотрудника ведущего федерального агентства, консультирующего Белый дом, и ведущего ученого, каждый день обращающегося к общественности, — противоречивый двойной стандарт. Кто знает, какое давление он испытывал, но это было неправильно. И кроме того, всё ведь ещё хуже: он не сказал этого в тот день, это уже любопытные учёные и журналисты

обнаружили, что конечные точки исследования — главный целевой показатель исследования — так вот, основную конечную точку изменили всего за две недели до этого! То есть, когда он говорил, что исследование достигло цели по своей основной конечной точке, если совсем просто, по времени до улучшения состояния, в тот момент это было правдой. А всего за две недели до этого это было бы неправдой.

[00:19:47] Конечно, для изменения конечной точки могут быть вполне законные причины, и сколько же уже было всяческих попыток объяснить это в данном случае. Но независимо от того, было ли изменение конечной точки оправданным или нет, тот факт, что её изменили всего двумя неделями ранее, не был раскрыт на том диване Белого дома в тот день, когда расхваливались ещё не опубликованные результаты исследования. Мэрин, я должен сказать вам, что это просто рвёт мое сердце и мою совесть на части. Всё, на что тогда могли опереться журналисты, — заявление фармкомпания Gilead и заявление от федерального агентства Фаучи, которое спонсировало клинические испытания. Для меня это был ужасный день для научной коммуникации, и этот день и весь этот эпизод должны стать ещё одним классическим кейсом в коммуникации научных исследований.

[00:20:41] Эта ситуация будет повторяться, потому что очень высока потребность в лекарствах для смягчения течения COVID-19 и в вакцинах для предотвращения болезни, и те компании и страны, которые смогут их создать, получают престиж и огромную финансовую выгоду. Итак, что журналисты могут взять на вооружение против этого, вероятно, колоссального количества хайпа и шумихи, которые нас ждут и которые будут раздувать значимость тех или иных результатов далеко за пределы тех выводов, которые на самом деле можно будет сделать из данных? Каков ваш совет о том, как журналисты могут сохранять свой скептицизм и объяснять своим редакторам, что на самом деле стоит и не стоит освещать?

[00:21:27] С аудиторией в 7 тысяч человек, вероятно, у нас представлен очень широкий спектр всех уровней опыта и, возможно, в этой аудитории есть люди, которые оказались брошены на эту амбразуру без какой-либо подготовки.

[00:21:38] Так и есть.

[00:21:39] Так что иногда самый простой, самый общий совет будет и самым лучшим, и именно с этого я собираюсь начать. Есть такой старый совет журналистам: если ваша мама говорит вам, что любит вас, получите второе мнение по этому вопросу. В этой теме, при освещении вопросов здравоохранения и медицинской науки, вы обязаны получать второе мнение и независимые точки зрения.

[00:22:02] Кстати, у нас есть список из более 100 экспертов, которые поддержали наш проект и некоторые другие. Джинни Линзер, очень опытный журналист-расследователь, Шеннон Браунли из Института Лоуна, Адрианн Фью-Берман из Джорджтауна и я создали этот список и продолжаем вести его, и мы можем сделать его открытым вместе с информацией, которую публикуем в Интернете. Любой может назваться экспертом. Но в этих темах, особенно если вы новичок, вы должны понимать, что в исследованиях в области здравоохранения на каждом углу конфликт интересов. Вы должны знать ландшафт. Я не запугиваю вас и не рисую воображаемых монстров, это всё по-настоящему. Конфликт интересов может иметь разные формы, и я не знаю, что хуже: финансовые конфликты интересов, когда кто-то на зарплате — кто-то получает деньги за то, что говорит определенные вещи — или интеллектуальные конфликты интересов, которые, по

мнению многих, ещё более коварны: «это моя специализация, я посвятил себя этому, я изучал это всю свою жизнь, я верю в это, и черт подери, это должно быть так — и мои шоры мешают мне увидеть что-либо ещё». Таков упрощённый взгляд на интеллектуальные конфликты интересов.

[00:23:27] Но если вы слушаете кого-то, и у вас срабатывает внутренний сигнал тревоги, когда вы слышите вещи, которые слишком хороши, чтобы быть правдой — я думаю, вы начнете замечать приметы этих конфликтов.

[00:23:38] Журналисты должны атаковать дезинформацию, подтасовку фактов и хайп. Для некоторых из вас это может стать полноценной работой — по крайней мере, это моя работа вот уже 14 лет. Я всегда думал, что новостным организациям — и, возможно, вы убедите медиа, на которые работаете, сделать это — следует завести регулярную медицинскую рубрику под названием вроде «Недостаточно хорошие новости здравоохранения». И это можно сделать фишкой, можно говорить: вы наверняка услышите об этом от наших конкурентов, так что позвольте кое-что вам рассказать — и давать самую суть, всю подноготную, все данные. Я думаю, что такая работа может сыграть большую роль. Когда вы видите плохую информацию, дезинформацию, хайп и подтасовку фактов, то вы точно знаете, что это видят и другие, поэтому я призываю вас разбираться с этим и разоблачать это.

[00:24:38] Напоследок я хочу спросить вас вот о чём. Health News Review работает уже 14 лет, кажется, вы сказали, что вся ваша карьера длится уже 47 лет. Можете ли вы немного порассуждать о том, как вся эта история, история COVID-19 и поисков лечения и вакцины — как вы видите это в контексте такой долгой карьеры? Что из этого будет действительно новыми вызовами? Для чего уже есть уроки из прошлого? На что это всё похоже?

[00:25:07] Знаете, уникальность совершенно очевидна в том, что такие люди, как мы, те, кто так долго пишет об этой теме, не сталкивались с такой неопределенностью, мне кажется, вокруг неизвестной новой угрозы — хотя это ваша епархия, Мэрин, — со времён ВИЧ и СПИД, когда я работал на CNN в 80-х годах. Скорость новостного потока, как по мне, сейчас беспрецедентна, я называю это головокружительными американскими горками. Я думаю, что это беспрецедентно, отчасти из-за прогресса науки, думаю, мы должны признать это. Может, это поможет нам ускорить разработку вакцины, но вы уже слышали моё предупреждение об этом. Отчасти, однако, это связано с тем, что сегодня просто больше средств массовой информации и больше медиаформатов — но не обязательно более качественная журналистика в целом.

[00:26:12] Итак, это то, что мне кажется уникальным. А вот что уже кажется хорошо знакомым и привычным — мы коснулись этой темы, но давайте скажем чуть больше — так это неудачное, неприятное, неконструктивное вмешательство в журналистику и влияние на неё конфликта политики с наукой. Опять же, 80-е годы, ВИЧ/СПИД: долгое время тогдашний президент США, Рональд Рейган, даже не мог заставить себя произнести слова ВИЧ или СПИД.

[00:26:43] Перемотаем на сегодняшний день, когда Дональд Трамп сначала не хотел даже признавать эту угрозу. Потом, когда он это сделал, он сказал, что всё под контролем. И в целом с тех пор он говорит всё, что приходит ему на ум, и от этого есть вред. В политических подходах к историям о COVID-19 мы можем опознать некоторые из тех же подходов, которые видим на протяжении многих лет. Когда в

новостях начинают делать акцент на политику, эти новости воспроизводят ту же поляризацию, что и в политике. Личные политические предпочтения людей сцепляются с их взглядами на пандемию, и это вроде как даёт возможность сделать из неё политический вопрос в глазах общественности. И сейчас в США — после всего, о чём мы только что сказали — возможно, лучшее, что у нас было, оперативная группа Белого дома по коронавирусу, судя по сообщениям последних суток, постепенно сворачивает свою работу из-за огромного прогресса, достигнутого в нашей стране.

[00:27:55] Это значит, что мы, скорее всего, будем слышать больше от политиков и меньше от ученых. А ещё, конечно, проблема с такими политиками, как Трамп — но это происходит и во многих ваших странах — в том, что они объявляют фейк ньюс всё, что им не нравится, подрывая доверие к СМИ у общественности. Это подтачивает надёжный этический фундамент науки и журналистики и фундамент под местом их пересечения, которое так дорого многим из нас, — местом встречи медицины и медиа или науки и журналистики. И нам лучше бы позаботиться о том, чтобы сохранить этот фундамент.

[00:28:35] Что ещё не ново — но это утешает — так это то, что на протяжении многих лет я видел, что когда журналистика оказывается на пределе своих возможностей со сложностью тем и тяжелыми экономическими временами, на передовую выходят лучшие из нас, большие мальчики и девочки. Так было и раньше, и так происходит и сейчас. Большую часть времени, читая большинство журналистских материалов, я не могу передать, как я тронут тем, что вижу в New York Times, Washington Post, в журналах вроде The Atlantic, в финансируемых фондами проектах вроде ProPublica и Kaiser Health News. А если вас волнуют вопросы журналистики, то совершенно бесплатно и открыто для любого из вас Columbia Journalism Review ведёт колоссальную работу по осмыслению журналистики в пандемии.

[00:29:25] Это меня утешает. Что не ново и не утешает? То, что я вам только что перечислил, — это случайные пики выдающегося журналистского мастерства, но долины между этими вершинами совершенства становятся всё шире и глубже, и я называю это ежедневным потоком шлака. И зло, которое творят многие новостные организации, живущие в этом водостоке ежедневного потока шлака, я боюсь, смущает общественность, мешает пониманию проблемы и распространяет страхи, и это, как я уже говорил, задевает меня за живое. И сейчас ситуация с этим хуже, чем когда бы то ни было.

[00:30:11] Ну, я надеюсь, что, руководствуясь вашими наставлениями — спасибо за вашу мудрость — наши слушатели, освещая COVID-19, смогут оставаться на пиках, а не в долинах. Итак, Гэри Швайтцер, издатель и основатель Health News Review, большое спасибо за то, что поделились своей мудростью с нашими слушателями и присоединились к нашему курсу. Я ценю это.

[00:30:31] Замечательно, что вы этим занимаетесь, продолжайте в том же духе.